

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

Ю. М. Антонян*,

И. А. Коновалова**

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ДЕТСТВЕ И КОРЫСТНОЕ ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье раскрывается роль раннего семейного воспитания в формировании личности несовершеннолетнего преступника. Подчеркивается значимость эмоционального и физического контакта с матерью, а по мере взросления — с другими членами семьи, а также криминогенная значимость враждебного отношения женщины к еще не родившемуся ребенку и особенно после родов. Отмечается наличие параноидального состояния у насильственного преступника и отсутствие такового состояния у корыстного преступника. У ребенка не появляется ощущение безопасности, эмоционального комфорта, защищенности. Приводятся данные репрезентативного исследования отношений будущих насильственных преступников со своими родными, особенно с матерями. Эти данные сопоставляются с результатами обследования несовершеннолетних корыстных преступников. При совершении преступлений у насильственных преступников возникает повышенная тревожность, ожидание внешней угрозы, чего мы не отмечаем у корыстных преступников, это может привести к различным расстройствам психической деятельности, когда индивид не способен определить свою собственную идентичность. В генезисе и структуре личности лиц, совершающих кражи, неизбежно имеет место дефект социализации эмоции страха, но сам факт существования корыстных преступников свидетельствует о том, что такая социализация не всегда оказывается успешной. Сужение сферы состояний ребенка на более поздних ступенях онтогенеза приводят к патологическим адаптациям типа психосоматических симптомов, к различным формам антиобщественного поведения. Мотивы совершенных корыстных преступлений часто лежат в плоскости бессознательного ощущения своей несостоятельности в социальном плане. Исследования подтверждают ранее известный факт, что, чем менее тесными являются внутрисемейные связи, тем более вероятными становятся связи лица вне семьи, снижается ее значение. Несовершеннолетние осужденные корыстные преступники не испытывали недостатка во внимании отца и матери, те любили и заботились о них, но их достаточно полное по времени общение с родителями не было морально насыщенным. Для корыстных преступников главным является приятие или неприятие их родителями, а материальная нужда.

© Антонян Ю. М., Коновалова И. А., 2017

* Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор Московского государственного областного университета, заслуженный деятель науки России

ia.konvalova@mgou.ru

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, корп. 1

** Коновалова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, председатель избирательной комиссии Московской области

ia.konvalova@mgou.ru

123 592, Россия, г. Москва, ул. Кулакова, д. 20, стр. 1

Ключевые слова: ранний онтогенез, семейная ситуация, психосоматическая дезинтеграция, эмоциональные реакции, стрессовые состояния, целостность ощущения «Я», преступность несовершеннолетних, насильственные преступники, корыстные преступники, предупреждение преступности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.115-122

Исключительная значимость раннего онтогенеза в развитии личности общеизвестна. Излагаемые здесь соображения о криминологической роли внутрисемейной ситуации и раннего развития личности основаны на обобщении литературных данных, собственных наблюдений, ретроспективном анализе личности осужденных за корыстные преступления несовершеннолетних и для сравнения с ними осужденных за тяжкие насильственные преступления. Однако в целом эти соображения носят гипотетический характер, что во многом обусловлено самим предметом исследования, который не может быть подвергнут строгому экспериментальному изучению.

Рождение ребенка является серьезным фактором, часто приводящим к кардинальной перестройке как внутри-, так и внешнесемейной ситуации. Ребенок расширяет круг обязанностей родителей, его рождение влечет за собой изменение их социальных статусов, сферы общения и привычек, форм и содержания досуга. Семья приобретает иную, не только количественную, но и, главным образом, качественную структуру. Ее основной функцией становится воспитание ребенка, его успешная социализация в соответствии с нормами общества. Однако не каждая семья готова к тому, чтобы «принять» ребенка не только по уровню педагогических знаний и навыков, но и по своим нравственным и эмоциональным параметрам. В силу этого реакция родителей на рождение ребенка иногда бывает неадекватной: многие из них не желают менять привычного образа жизни в соответствии с новыми обязанностями. Создается впечатление, что некоторые родители не придают появлению ребенка того значения, которое имеет этот факт в глазах общества. На протяжении многих лет у таких родителей дети находятся скорее не в семье, а как бы «около» нее.

В течение первых дней жизни ребенок не ощущает себя отдельно от матери, но еще не разделяет внутреннее внешнее «Я» и «не-Я». Мать воспринимается им как часть собственного тела, которое не имеет четких границ. Этот

ранний период развития ребенка можно обозначить как период полного отсутствия ощущения собственного существования.

Ребенок посредством эмоционального и физического контакта с матерью постепенно приобретает способность воспринимать свои потребности и свои телесные функции. Важнейшим итогом этой самой ранней стадии развития является формирование ощущения собственного существования, формирование первичного представления о своем «Я».

В качестве одного из первых индикаторов рефлексии существования можно считать появление у ребенка улыбки в возрасте около трех месяцев. Улыбка младенца говорит о том, что ребенок уже ощущает себя, что он уже имеет чувство собственной реальности и способен выразить его.

В ситуации раннего симбиоза в своих потребностях, представлениях и действиях, направленных на ребенка, мать выполняет функции зеркала, первоначально на уровне его физического контакта с ней. Облик ребенка отражается в ее психике и соответственно влияет на ее поведение. Другими словами, первое ощущение своего существования и самого себя ребенок получает через определенную систему поведения матери в отношении его. Эти формы поведения и определяют специфическую манеру самоощущения ребенка и являются первичными формами его самоидентичности, причем ее специфика полностью определяется отношениями и опытом матери.

Поскольку ранний контакт с ребенком носит, как уже говорилось, в основном, характер физический, постольку наиболее ранней формой существования «Я» ребенка является «телесное Я» и его границы. Нарушения в развитии «телесного Я», причиняемые недостаточным контактом с матерью, могут приводить к искаженному развитию его личности. Таким образом, даже самое раннее ощущение человеком своего «Я» в форме «телесного Я» социально по своему происхождению. Если общение с матерью продолжает оставаться недостаточным, это может привести к искажению других,

возникающих позже, аспектов «Я», и к неправоначальному отражению окружающей реальности. Мы попытаемся показать в дальнейшем, что неадекватность самых ранних форм внутрисемейных отношений может иметь криминологически значимые последствия.

Интересны некоторые исследования, показывающие, что психосоматическая дезинтеграция человека может корениться в отношении женщины к еще не родившемуся ребенку. Так, по мнению многих ученых, телесное и психическое здоровье ребенка, а также особенности его поведения в известной мере зависят от различных факторов, действующих на него в период внутриутробной жизни. Эмбриологические исследования делают очевидным тот факт, что нарушения развития ребенка могут происходить из неадекватного поведения матери в пренатальном периоде.

Существует соотношение между состоянием новорожденного и формами реакций и отношений матери к еще не родившемуся ребенку. С ранних этапов формирования плода начинается реализация генетической информации. «С этого времени зародыш подпадает под влияние внешней среды, передаваемое вначале через материнский организм, а затем действующее непосредственно»¹.

На будущее поведение человека заметное влияние оказывают эмоциональные реакции его матери, в частности, ее стрессовые состояния во время беременности. Нередко женщина всем поведением и образом жизни еще в период беременности сознательно или бессознательно отвергает своего еще не родившегося ребенка. Так, можно нередко наблюдать женщин, которые даже на последних месяцах беременности постоянно пьянствуют, ведут бездомное паразитическое существование, пренебрегая элементарными гигиеническими требованиями. Родив детей, они часто оставляют их в детских домах.

Г. Роттман исследовал новорожденных, чьи матери во время беременности демонстрировали открытую враждебность к будущему ребенку, и пришел к выводу, что они облада-

ли ярко выраженной готовностью реагировать психосоматической дезинтеграцией в ситуации послеродового стресса². Сходные наблюдения проводились и над детьми, чьи матери демонстрировали двойственное — отвергания и одновременно принятия — отношения к ребенку (амбивалентность) в период беременности. Характерно, что указанные отношения к неродившимся детям не являются исключением: женщины, которые отвергали детей либо были амбивалентны к ним, составили около 60 % всех будущих матерей³. Эти данные интерпретируются на основе гипотезы о существовании психовегетативной передачи плоду реакции матери. Т. Шур показал, что состояние непрерывного параноидального напряжения у некоторых пациентов является следствием внутриутробного отвергания⁴.

Последнее наблюдение представляется нам весьма важным потому, что среди лиц, осужденных за убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, немало таких, для которых характерно состояние напряжения, часто близкого к параноидальному. Это напряжение нередко способствует совершению насильственных действий, т.е. подобные состояния представляют собой один из существенных элементов внутреннего психологического механизма преступного поведения. Есть основание полагать, что указанные состояния берут начало в пренатальном периоде или на ранних этапах развития в детстве, а затем в силу неблагоприятных социальных условий жизни могут реализовываться в общественно опасных формах. Такого состояния, близкого к параноидальному, мы не наблюдали среди подростков, осужденных за корыстные преступления.

Таким образом, неадекватность матери в отношении ребенка может привести к тому, что в клинической практике иногда называют экзистенциальной тревогой, т.е. состоянием ребенка, которое порождается отсутствием у него ощущения безопасности, эмоционального комфорта, защищенности. Это одно из наиболее глубоких психологических образований, приводящих позже к девиантным и па-

¹ Асратян Э. А. Развивающийся мозг и среда. М., 1980. С. 73.

² См.: Rottman G. Untersuchungen über Einstellungen zur Schwangerschaft, und, zur foetalen Entwicklung. Lecture at the Second Convention of Int. Stud-Gem. // Prähat. Psychol. Paris. 1973. 18—20 July.

³ См.: Ammon G. Psychoanalysis and Psychosomatic. N/Y/ 1978, p. 78.

⁴ См.: Schur N. Comments on the Metapsychology of Somatization // Psych. Study Child, X. N. Y. : Int. Univ. Press. 1955.

тологическим изменениям личности. Возникающая в отношениях «мать-ребенок» тревога порождается внешними или внутренними факторами и может вызвать реакцию страха.

Страх, криминогенность которого мы отмечаем, в период первоначального, еще только зарождающегося ощущения своего «Я», может приводить к распаду целостности этого ощущения, расслоению его на некоторые составляющие. Это приводит к тому, что внешние, особенно социальные факторы, порождающие разрыв целостного «Я», отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять. В результате эти факторы, вероятно, необратимым образом на всю жизнь остаются связанными с ощущениями и переживаниями тревоги и страха. Ребенок не включает их в свое «Я», поскольку он сам недостаточно включен в структуру той социальной среды (семьи), которая это «Я» и создает.

Позже названные факторы могут ощущаться и восприниматься как деструктивные, т.е. угрожающие целостности личности и ее безопасности. Результаты нашего специального изучения конкретных преступников позволяют предположить, что многие насильственные преступные действия имеют субъективный смысл защиты от внешней угрозы, которой реально может и не быть. С таких позиций становится более понятным, почему многие насильственные преступления совершаются часто по, казалось бы, ничтожному поводу и носят характер неадекватных ему особо жестоких действий. По сравнению с насильственными преступниками, в том числе несовершеннолетними, у осужденных за корыстные преступления подростков мы не наблюдали ни повышенную тревожность, ни ожидания внешней угрозы.

Рассмотренные явления могут приводить к различным расстройствам психической деятельности, в основе которых лежит неспособность индивида определить свою собственную идентичность, т.е. осмыслить и понять свой социальный статус и свои социальные роли, специфику своей личности и ее отношений с другими людьми. Это — суть многих состояний личности, которые выражаются в том, что, не ставя перед собой вопрос «кто я?», человек сосредоточивается на вопросе «что со мной?». Аналогичный механизм обнаруживается и в некоторых корыстных преступлениях. Так, можно наблюдать, что воры, как правило, анализируют и оценивают свои и чужие действия, совсем не вдаваясь в объяснение тех

особенностей своей личности, которые привели к преступлению. Казалось бы, совершение краж и нахождение в экстремальных условиях (арест, следствие, суд) должно было, в отличие от других людей, порождать у виновных потребность в анализе и оценке собственной личности. Однако чаще всего этого не наблюдается, поскольку указанная необычная обстановка актуализирует механизмы психологической защиты, выражающиеся, в частности, в формах отчуждения своего преступления от себя и (или) самооправдания. Особенно часто мы наблюдали это среди подростков-рецидивистов, которые уже в силу своего преступного опыта отрицали собственную вину.

Неспособность определить свое «Я» неизбежно порождает его искажения, что совсем удивительно со стороны несовершеннолетних.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу, что недифференцированная и часто функционирующая на бессознательном уровне эмоция не состояться в качестве полноценной личности из-за необладания какими-то ценностями может сохраняться у человека всю жизнь, принимая форму субъективного ощущения постоянной угрозы своего социального падения.

Одной из гипотез, которые мы выдвигаем, является предположение о том, что в генезисе и структуре личности лиц, совершивших кражи, неизбежно имеет место дефект социализации эмоции страха. Последняя, возникая в системе психобиологических отношений по окончании раннего сензитивного периода, должна быть включена в систему отношений социально-психологических.

За счет этого она должна быть социализирована, т.е. личностью должны быть осознаны ее источник, содержание и функция, что позволит овладеть этой эмоцией и сделать ее управляемой. Однако, как показывают наблюдения, сам факт существования воров, тем более, систематически совершающих кражи, свидетельствует о том, что такая социализация далеко не всегда оказывается успешной.

Другой важнейшей чертой формирующегося «Я» ребенка является определенная подвижность его границ, которая определяет способность усваивать новый опыт. Описанный выше «комплекс симбиоза» представляет собой патологическую зависимость индивида от некоторых объектов либо от собственных состояний, смысла которых он может даже не осознавать. Эта зависимость, как правило, оказывается крайне ригидной, неподвижной, что

также связано с характером ранних отношений ребенка с матерью. Почти все действия младенца (плач, гуление, отказ от пищи) порождаются различными состояниями его организма и имеют для него определенное значение. Многие исследования позволяют предположить существование психологической закономерности, согласно которой адекватные состояниям ребенка действия взрослого «снимают» эти состояния, и зависимостью ребенка от ситуации (взрослого), неадекватные же — лишь усиливают эту зависимость. Зависимость от ситуации мы здесь понимаем, как комплекс переживаний в связи с отсутствием каких-то ценностей или особо ценимых услуг. Это может потом толкнуть на незаконное завладение ценностями или денег на приобретение услуг.

Сказанное выше находит подтверждение в экспериментах С. Шехтера и Дж. Сингера. Результаты экспериментов свидетельствуют о том, что неправильная, неадекватная интерпретация человеком собственного соматического состояния порождает его большую зависимость от ситуации, большую включенность в ситуацию, тогда как точная интерпретация делает его более независимым от нее.

В целом же можно сказать, что чем уже сфера состояний, в которых ребенок полностью и адекватно принимается матерью, тем более акцентуированными и ригидными становятся эти состояния, приводя на более поздних стадиях онтогенеза к патологическим адаптациям типа психосоматических симптомов, психопатическим чертам характера, к различным формам антиобщественного поведения.

Например, матери детей, страдающих психосоматическими расстройствами, как правило бывают беспомощны, когда их дети проявляют активное или агрессивное поведение. Свободные, спонтанные действия ребенка они склонны воспринимать как оскорбление. В случаях, когда дети пытались привлечь внимание матери, такое поведение игнорировалось либо не обнаруживалось ею вообще. Коммуникация таких матерей со своими детьми носит относительный характер, т.е. например, весь контакт матери с ребенком сведен к акту кормления. Постоянное же внимание и заботу о ребенке она демонстрирует обычно только тогда, когда ее ребенок болен. Естественно поэтому, что болезнь становится основным способом завоевания ребенком внимания и любви, состояние болезни входит основным компонентом в структуру его «Я».

Расширение контактов с другими людьми, увеличение воспринимаемой информации могут вступать в противоречие со сформированной системой отношений ребенка. И это расширение опыта связано прежде всего с включением в активное окружение ребенка фигуры отца.

Влияние ранних отношений с отцом на развитие личности изучалось значительно меньше, чем отношения с матерью. В зарубежной литературе роль мужчины обычно определяется через способность влиять на окружение, значительно меньше подчеркивается роль эмоционального контакта ребенка с отцом и значение такого контакта для формирования навыков межличностного общения. Во многих работах подчеркивается негативная роль отсутствия матери на развитие ребенка, а не отсутствие отца. С последним чаще всего связываются различные драматические, социальные и экономические последствия.

Отсутствие отца в семье почти всегда связано с ее материальным положением, возможностью удовлетворения желаний ребенка и подростка. Он понимает это не сразу, но будучи осознанным, может стать криминогенным фактором. Иными словами, если семья не способна предоставить ему желаемое, возможно его приобретение незаконным путем.

Тут скрещиваются эмоция страха быть разоблаченным и удовлетворения из-за приобретенных ценностей.

Само по себе отсутствие отца у ребенка не ведет к неполноценному психическому развитию детей. Для того чтобы определить эффект отсутствия отца, надо учесть множество факторов, таких, например, как продолжительность и периодичность отсутствия, его причину, реакцию матери на это, пол, возраст ребенка, его конституциональные характеристики и психический статус, взаимоотношения матери и ребенка, социоэкономический статус семьи, наличие лица, исполняющего функции отца.

Вообще говоря, ребенок, имеющий обоих родителей, потенциально обладает большими возможностями для полноценного психического развития, но отсюда совершенно не следует, что все дети без отцов — психически дефектны. Дети без отцов, но с любящей и понимающей матерью менее психически дефектны, чем дети, имеющие доминирующую мать и пассивно-подчиненного отца. Если ребенок воспитывается без отца, то он, не имея перед собой фигуры конкретного муж-

чины, может сформировать более гибкий образ взрослого мужчины, и за счет этого легче найти заменяющую отца фигуру. В то же время ребенок с пассивным и (или) отвергающим его отцом может создать негативный образ взрослого мужчины и избегать поэтому взаимодействия с ним.

Существует много отцов, «благополучных» в социальном плане, но уделяющих своим детям слишком мало внимания. Дети отцов, уделяющих внимание им, оказываются более великодушными и щедрыми в отношениях с другими детьми. Тяготение ребенка к отцу и способность отца полностью принять своего ребенка стимулирует его интеллектуальное развитие.

Конкретные исследования показывают, что отсутствие отца для ребенка в возрасте до 4—5 лет имеет больший негативный эффект, чем для ребенка в более позднем возрасте. Например, мальчики, которые лишились отца в возрасте до 4—5 лет, имеют слабую мужскую сексуально-ролевую ориентацию и больше сексуально-ролевых конфликтов, чем дети, имевшие отца или лишившиеся его в более позднем возрасте. Эти конфликты очень часто связаны с неадекватной оценкой себя как функционирующего в мужской роли, с несформированностью соответствующих ей форм поведения.

Наши исследования личности воров позволяют выдвинуть гипотезу, что мотивы совершенных ими преступлений часто лежат именно в плоскости бессознательного ощущения своей несостоятельности в социальном плане.

Раннее лишение отца связывается разными исследователями с формированием психопатий. В то же время, как показывают результаты проведенных нами выборочных исследований, больше всего оказалось психопатов и лиц с психопатическими чертами характера среди убийц, а не тех, кто совершил корыстные преступления.

Исследования показывают, что дети способны испытывать сильное тяготение к отцам уже на первом году жизни. Это проявляется в выраженном интересе ребенка к поведению отца, длительном наблюдении за ним, реакция недовольства, когда отец уходит из его поля зрения. Во многом такое поведение ребенка связано с отношением к нему отца, его «включенностью» в ситуацию общения. Результатом этой «включенности» может быть даже более сильное тяготение ребенка к отцу, чем к матери.

Ребенок, хорошо принимаемый своим отцом, обретает способность в большей степени и лучше управлять своим окружением, чем ребенок, воспитывающийся без отца. Он показывает, например, более зрелые отношения к новым для него людям и реагирует более позитивно на сложные и новые стимулы. Такой ребенок чувствует себя в большей безопасности, и мы полагаем, что социализация эмоции страха, обретение уверенности в себе связаны, в основном, с «поддержкой» отца. Также подростки меньше переживают по поводу отсутствия у них тех или иных вещей, они не дадут согласия на участие в кражах с целью их получения. Отцы, как правило, более чувствительны, чем матери, к моторному развитию ребенка и в большей степени стимулируют его; однако они менее чувствительны к физическим страданиям ребенка и его внешнему виду, чем матери. В большей степени, чем матери, отцы позволяют своим детям чувствовать дискомфорт и исследовать окружение. Можно предположить, что если отец малочувствителен к физическим страданиям своего ребенка, это может иметь криминологическое значение в случае его сильной эмоциональной идентификации с отцом. Конечно, данная гипотеза требует эмпирической проверки и большей конкретизации.

Если в семье дети в равной степени тяготеют и к отцу, и к матери, то у них лучше развита способность строить свои отношения с друзьями, т.е. они лучше и шире адаптируются. Исследования показывают, что таким детям в меньшей степени свойственна тревожность.

В начале XXI в. Ю. М. Антоняном и Е. Г. Самовичевым была исследована репрезентативная группа осужденных за насильственные преступления. Мы приведем их сейчас, чтобы сравнить с результатами проведенного нами исследования в 2016 г. в отношении осужденных несовершеннолетних корыстных преступников.

В ходе первого исследования его респондентам было задано несколько вопросов, в частности: «Можете ли Вы сказать, что мать любила Вас?». Данный вопрос должен дифференцировать респондентов по степени уверенности в безусловном и полном принятии их со стороны матери. Именно в этом смысле и использовался термин «любила». Степень уверенности, определенности ответа на этот вопрос отождествлялась со способностью матери к полному и безусловному принятию своего ребенка. Ответы см. в таблице 1.

Таблица 1

Ответ Группа	Да, уверен	Пожалуй, да	Не уверен	Нет, не могу этого сказать
Преступники. Правопослушные граждане	66,4 % 86,1 %	13,5 % 12,4 %	7,9 % 0,73 %	10,0 % 0,73 %

Как видно, степень уверенности в способности матери к полному принятию сына выше у законопослушных граждан, тогда как частота неуверенных в любви матери среди осужденных более чем в десять раз выше, чем у законопослушных, частота неуверенных в любви матери среди осужденных более чем в десять раз выше, чем у законопослушных.

Такая ситуация означает значительное ослабление у них кровнородственных связей и сильно облегчает усвоение внесемейных образцов поведения.

Этот результат можно рассматривать как психологическое подтверждение того известного в криминологии положения, что чем менее тесными являются внутрисемейные связи, тем более вероятными становятся связи лица вне семьи и, соответственно, снижается ее значение.

Другой вопрос был задан с целью выявления отношений опрашиваемых к матери и к другим членам родительской семьи: «О ком из членов своей семьи Вы, не задумываясь могли бы сказать, что любите его?» Опрашивались те лица, у которых названные родственники имелись (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, среди законопослушных лиц значительно больше, чем среди преступников, тех, кто уверен в своей любви к матери.

Интересно отметить, что в целом для представителей обеих групп респондентов характерна большая уверенность в любви матери к ним, чем в собственной любви к ней, при этом разница между тяготением матери к сыну и сына к матери ниже у преступников, чем у правопослушных.

Результаты изучения отношений преступников с их отцами показало, что преступники меньше, чем правопослушные люди, уверены

в безусловном принятии со стороны отцов. Преступники меньше, чем правопослушные граждане, могли бы сказать, что любят свою мать. Это очень важные сведения о лицах, совершивших насильственные преступления.

Учитывая также данные об этих преступниках, мы в 2016 г. провели следующее исследование: опросили 800 несовершеннолетних преступников в воспитательных колониях, осужденных за корыстные преступления, и 200 студентов 17–18 лет в ГОУ ВО МО Московском государственном областном университете (МГОУ).

Опрос показал, что существенных различий в отношениях с родителями среди студентов и среди осужденных несовершеннолетних не существует. Так, на вопрос «Любите ли Вы мать, считали ли Вы себя ею любимым» положительно ответили 90 % студентов и 91 % осужденных. На такой же вопрос в отношении отца положительный ответ дали соответственно 72 % и 71 %. На все остальные вопросы о внутрисемейных отношениях ответы были примерно одинаковы, с ничтожными различиями. Таким образом, мы можем констатировать, что существенных особенностей в ответах студентов и осужденных не существует: и те, и другие в равной мере считают, что были любимы и матерями, и отцами. Они уделяли опрошенным примерно равное время. Но в одном очень важном показателе есть существенное расхождение: 78 % студентов учились хорошо, в то время как среди преступников — только 14 %. В этом нет ничего удивительного, давно известно, что малолетние преступники плохо учатся и это является существенным криминогенным фактором.

Итак, несовершеннолетние осужденные не испытывали недостатка во внимании отца и матери, те любили и заботились о них. Что

Таблица 2

Ответ Группа	О матери	Об отце	О бабушке	О дедушке	О сестре	О брате	О других родственниках	Ни о ком
Преступники. Правопослушные граждане	59,9 % 75,9 %	9,0 % 6,6 %	9,3 % 5,8 %	1,7 % 0,73 %	5,2 % 2,2 %	3,5 % 5,8 %	1,0 % —	5,5 % 1,4 %

же касается материального положения тех и других, то оно оказалось несколько лучше у студентов. Мы полагаем, что именно этим можно объяснить корыстное преступное поведение несовершеннолетних, за что они были

впоследствии осуждены. Предполагаем также, что их достаточно полное по времени общение с родителями не было морально насыщенным. Материальная нужда стимулировала их преступное поведение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асратян Э. А. Развивающийся мозг и среда. — М., 1980.
2. Ammon G. Psychoanalysis and Psychosomatic. — N. Y., 1978. — P. 78.
3. Rottman G. Untersuchungen über Einstellungen zur Schwangerschaft, und, zur foetalen Entwicklung : Lecture at the Second Convention of Int. Stud-Gem. // Prähat. Psychol. — Paris. — 1973. — 18—20 July.
4. Schur N. Comments on the Metapsychology of Somatization // Psych. Study Child, X. — N. Y. : Int. Univ. Press, 1955.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2016 г.

FORMATION OF PERSONALITY IN CHILDHOOD AND PREDATORY CRIMINAL BEHAVIOR OF TEENAGERS

ANTONYAN Yurii Miranovich — Doctor of Law, Professor of the Moscow Region State University, Honoured science worker of the RF

ia.konovalova@mgou.ru

105005, Russia, Moscow, Radio Str., 10A, build. 1.

KONOVALOVA Irina Anatolevna — PhD in Law, the Chairman of the Electoral Commission, Moscow Region

ia.konovalova@mgou.ru

123592, Russia, Moscow, Kulakova Street, 20, build.1

Review. The article deals with the role of early family education in shaping the identity of a juvenile offender. The authors stress the importance of emotional and physical contact with the mother, and while growing older, with other family members, as well as criminal significance of hostility to unborn child and especially after childbirth. There is a paranoid state from a violent offender and the absence of financial condition of the lucrative offender. A child does not acquire a sense of emotional comfort, security, safety. The article shows a representative study of the relationship of future violent offenders with their families, especially mothers. These data are compared with the results of a survey of juvenile lucrative criminals. In committing offences violent criminals have increased anxiety, they expect outside threats that we don't mention when considering lucrative criminals, which can cause various disorders of mental activity, when an individual is unable to define his own identity. In the genesis and structure of the individual perpetrators of theft, there is inevitably a defect of socialization of emotions of fear, but the mere existence of selfish criminals suggests that this socialization is not always successful. Narrowing the scope of child status at later stages of ontogenesis lead to pathological adaptations type psychosomatic symptoms, to various forms of anti-social behaviour. The motives of committed lucrative crimes often lie in the plane of the unconscious feelings of its insolvency in social terms. Studies confirm previously known fact that the less close family ties, however, the more likely connections outside the family, the value of the family is decreasing. Juvenile convicts of lucrative crimes did not lack attention of father and mother, otherwise, they loved and cared of them, but this communication with parents was not morally close enough. For lucrative criminals it is not the acceptance or rejection of their parents which is important but some material need.

Keywords: early ontogeny, family situation, psychosomatic disintegration, emotional reactions, stress, feelings of "I", juvenile delinquency, violent criminals, lucrative criminals, crime prevention.

BIBLIOGRAPHY

1. Asratyan E.A. The developing brain and environment. M., 1980.